

Культура. — 1997. — 1 мая. — с. 11.

Виртуоз в компании виртуозов

АНШЛАГ

Евгений ЭПШТЕЙН

Событийный концерт в БЗК можно вычислить по автомобильным пробкам на Большой Никитской и прилегающих улицах, а также по обилию иномарок. Именно так и было, когда выступали Владимир Спиваков со своими "Виртуозами" и немецкий певец Томас Квастхофф. Уже на дальних подступах к консерватории можно было услышать тоскливо-вожделенное: "Нет лишего билета?", а БЗК не смог вместить всех счастливых обладателей билетов и контрамарок, и многих усадили прямо на сцене.

То, что Спиваков скрипач божьей милостью, известно давно, после первых же его конкурсных побед. С тех пор мастерство артиста становилось все более зрелым и отточенным, что он и подтвердил в свой нынешний приезд исполнением Концерта Вивальди ми минор. Все таинства скрипичного искусства подвластны этому мастеру: и изящная филигрань техники, и дышащая кантилена, и богатство динамики. И каких бы достижений ни достиг он в своей второй — дирижерской — ипостаси, все-таки в первооснове Спиваков — выдающийся скрипач, входящий в число лучших исполнителей мира.

Но и дирижер он отменный, с точными и мягкими руками, с ясным пониманием исполнительской концепции и умением донести ее до каждого исполнителя. Замечено, что во время дирижирования лицо Спивакова нередко озаряется улыбкой. Некоторые усматривают в этом момент самолюбования, театральности. Но, скорее всего, это улыбка радости от соприкосновения с великой музыкой. Радость эта передается музыкантам, а от них — слушателям. В этот вечер Спиваков дирижировал менуэтами Шуберта, очаровательными, бесхитростными миниатюрами, в которых нет ни столкновения страстей, ни драматических коллизий, а следовательно, нет и дирижерских проблем. Зато в избытке была улыбчивая элегантность, истинно венский шарм. Спиваков словно изумлялся тому, как под пером Шуберта три обычные гармонические функции — тоника, субдоминанта и доминанта — превращались в гениальную музыку, и хотел, чтобы это радостное изумление вместе с ним разделили и слушатели.

Во всех энциклопедиях понятие "виртуоз" трактуется как "исполнитель, мастерски владеющий техникой искусства". Спива-

ков и его музыканты расширили границы этого определения. Их виртуозность не только в техническом совершенстве (это само собой — ведь в оркестре играют музыканты высочайшего класса), но и в архитектурной завершенности каждой фразы, в ювелирной огранке каждого нюанса. Кстати, некоторые чуть приметные улыбки Спивакова нередко адресованы его артистам за особенно красиво сыгранную фразу. Ансамблевая техника "Виртуозов Москвы" доведена до такой степени совершенства, что она становится незаметной, и рождается ощущение импровизационной свободы на сцене, но специалисты-то знают, какой напряженный труд скрывается за этой свободой.

Второй раз приезжает в Москву замечательный немецкий певец Томас Квастхофф, и в этот приезд столичные меломаны встречали его как старого и доброго знакомого. Известно, что природа, в чем-то обделив человека, старается вознаградить его в другом. Томас Квастхофф родился инвалидом, но его несчастье было компенсировано голосом изумительной красоты. Бас-баритон большого диапазона, гибкий, выразительный, насыщенный во всех регистрах, завоевал признание всего музыкального мира. Нюанс пиано считается одним из самых трудных в музыке вообще, у тяжелых голосов в особенности. Но в палитре Томаса множество градаций этого нюанса, исполняемых легко и естественно. Его дыхание кажется безразмерным: он выпевает в кантатах Баха длиннейшие фразы со сложным мелодическим рисунком на одном вдохе в быстром темпе и при этом еще успевает то раздуть звук до мощного, заполняющего весь зал форте, то филировать его до нежного пиано. Кантилена Квастхоффа сродни звучанию виолончели, а мягкость звуковедения заставляет забыть о том, что в немецком языке множество жестких согласных. Две кантаты Баха певец исполнил с истинно философской мудростью и человеческой теплотой, покорила красотой арий и драматизмом речитативов. Под стать ему были и "Виртуозы", то обволакивавшие голос строгими узорами контрапункта, то высвечивавшие его мягкими аккордами.

Квастхофф был щедр на "би-сы" — он исполнил три песни Шуберта, продемонстрировав разные грани своего дарования: в "Нетерпении" предстал порывистым романтиком, в "Лесном царе" тембровыми и динамическими красками создал полное драматизма полотно, а в бессмертной "Аве Мария" его голос истаял на таком фантастическом пианиссимо, что потрясенной публике оставалось только взвыть от восторга, что она и сделала. ●

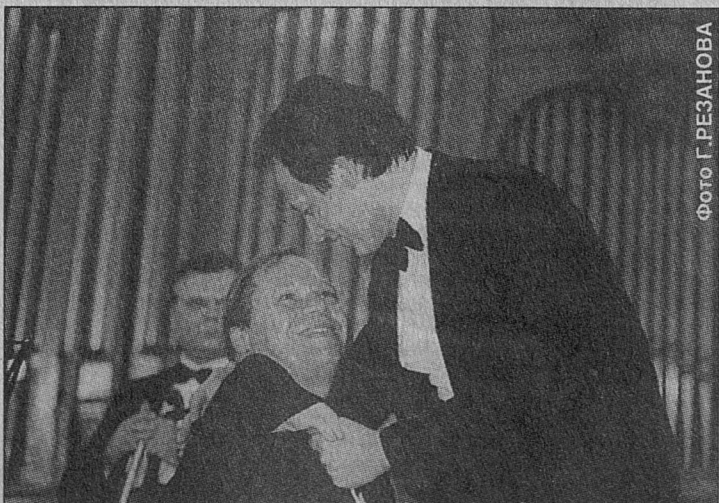

Фото Г. РЕЗАНОВА